

II.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛЪ

КНЯЗЬ

АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ПРОЗОРОВСКІЙ.

(По ея запискамъ и бумагамъ.) (*)

I.

Происходя по прямой линіи отъ князей ярославскихъ, князь Александръ Александровичъ Прозоровскій родился въ 1734 году (**) и обучался въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ.

Современное князю Прозоровскому образованіе русскаго юношества было весьма незатѣйливо, по системѣ Руссо, какъ замѣчаетъ одинъ современникъ, хотя многіе изъ родителей и не подозрѣвали о существованіи этого писателя.

Отдѣльныя лица, какъ бы они высоко поставлены ни были, по своему умственному образованію, какими бы способностями ума ни отличались, всегда выносили на себѣ отпечатокъ того времени, въ которое родились и выросли. Особенности

(*) Настоящая біографія написана по любопытнымъ и рѣдкимъ матеріаламъ, доставленнымъ редакціи княземъ Александромъ Федоровичемъ Прозоровскимъ-Голицынымъ, роднымъ внукомъ фельдмаршала и старшимъ сыномъ его единственной дочери. Князь Александръ Федоровичъ Голицынъ, по высочайшему разрѣшенію, въ 1853 году присоединилъ къ своей фамиліи угасшую фамилію князя Прозоровскаго. Редакція считаетъ своимъ долгомъ благодарить князя Александра Федоровича за его просвѣщенное содѣйствіе и за доставленіе матеріаловъ.

(**) Бантышъ-Каменскій говоритъ, что князь Прозоровскій родился въ 1732 году; но въ послужномъ его спискѣ, приложенномъ къ его запискамъ и составленномъ въ 1802 году, фельдмаршалу показано 68 лѣтъ, следовательно годомъ его рожденія слѣдуетъ считать 1734 годъ.

эпохи неминуемо отражались на нихъ, въ большей или меньшей степени, смотря по личной воспріимчивости каждаго.

Первоначальное воспитаніе въ XVIII столѣтіи рисуется намъ довольно ясно: мальчикъ почти до совершеннолѣтія оставался въ родительскомъ домѣ, гдѣ ему предоставлялась полная свобода укрѣплять себя физически. Родители мало обращали вниманіе на его воспитаніе, предоставляя въ большей части случаевъ ему самому распоряжаться временемъ и собою, или же напротивъ нѣжили его до безконечности, чрезъ что допускали въ мальчикахъ укореняться многимъ дурнымъ привычкамъ (*). Отцовскіе огороды, сады, коноплянники, деревенскіе ребятишки были въ полномъ его распоряженіи. „Зимою—пишетъ Энгельгардтъ—я выбѣгалъ босикомъ и въ одной рубашкѣ на дворъ рѣзвиться съ ребятишками и заоченѣвъ весь отъ стужи, приходилъ въ комнату отогрѣваться на лежанкѣ: еженедѣльно меня мыли и парили въ банѣ, въ самомъ жаркомъ пару и оттуда въ открытыхъ саняхъ возили домой съ версту. Кормился я самой грубой пищей и оттого сдѣлался самага крѣпкаго сложенія, переноса безъ вреда моему здорсвью жаръ, холодъ и всякую пищу; вовсе не учился и, можно сказать, былъ самый избалованный внучекъ“ (**).

Первыя начала образованія, или лучше сказать грамоты, давались обыкновенно домашнимъ слугою или дьячкомъ приходской церкви, и состояли въ заучиваніи наизусть псалмовъ, стиховъ или текстовъ священнаго писанія. Умѣнье читать „Апостола“ считалось роскошью.

Недостатокъ въ учителяхъ былъ повсемѣстный. Пансіоны частныхъ лицъ, гимназій, корпуса и вообще всѣ общественныя заведенія тогдашняго времени, и казенныя и частныя, нуждались въ преподавателяхъ, до такой степени, что, читая описаніе способовъ преподаванія, приходишь къ грустному сознанію о томъ огромномъ хаосѣ, о той неурядицѣ, которыя господствовали у насъ въ этомъ отношеніи.

Главными двигателями и проповѣдниками тогдашняго воспитанія и образованія было духовенство, хотя на самомъ дѣлѣ оно само по себѣ было очень и очень плохо образовано, и даже, какъ выражался Петръ I, „мало грамотъ умѣло“. Несмотря од-

(*) Записки Болотова стр. 20. Записки Лопухина. См. „Чтен. въ обществѣ истор. и древностей“ 1860 г., кн 2.

(**) Записки А. Н. Энгельгардта стр. 4.

нако же на малограмотность духовныхъ лицъ, все-таки передовые люди, педагоги, ученые, литераторы и проповѣдники были большею частію изъ духовнаго званія. Конечно, знакомство Россіи съ европейскою ученостію и науками началось при Петрѣ I, и черезъ посредство лицъ посланныхъ имъ для этой цѣли за границу, но знакомство это, по весьма большому пристрастію къ старинѣ, по особому взгляду на науку, съ точки зрѣнія св. писанія, значительно задерживало правильный ходъ образованія. Съ другой стороны, на нравственное воспитаніе юноши смотрѣли глазами „Домостроя“, написаннаго благовѣщенскимъ попомъ Сильвестромъ, въ которомъ говорилось „и не даждь ему власти въ юности, но сокруши ему ребра, дондеже ростеть, а ожесточавъ неповиненъ ти ся. Казни сына своего отъ юности его, и покоитъ ты на старость твою, и дасть красоту души твоей. И не ослабляй бія младенца: аще бо жезломъ біеши его, не умреть, но здравіе будетъ; ты бо бія его по тѣлу, а душу его избавляеши отъ смерти. Любя же сына своего, учащай ему раны, да послѣди о немъ возвеселишися. Казни сына своего измлада и порадуешься о немъ въ мужество“ (*).

Въ 1750 годахъ мы встрѣчаемъ учителями гарнизонныхъ школьничковъ, штыкъ-юнкеровъ и тому подобныхъ лицъ, преподававшихъ всевозможные предметы безъ всякихъ правилъ и доказательствъ. Языки вообще преподавались безъ грамматики; ариѳметика и геометрія безъ объясненій и ограничивались: въ ариѳметикѣ однѣми первыми четырьмя дѣйствіями, а въ геометріи механическимъ черченіемъ фигуръ, безъ всякаго понятія „что и для чего надлежитъ“.

Военныя школы и корпуса также крайне нуждались въ преподавателяхъ. Въ 1730 году, современномъ князю Прозоровскому, въ артиллерійской школѣ были учителями два подмастерья изъ пушкарскихъ дѣтей. Впослѣдствіи къ нимъ опредѣлили еще нѣсколькихъ, въ томъ числѣ и штыкъ-юнкера Алабушева.

„Алабушевъ содержался тогда въ смертномъ убійствѣ третій разъ подъ арестомъ: былъ человекъ хотя нѣсколько знающій, разбиралъ Магницкаго печатную ариѳметику и часть геометрическихъ фигуръ показывалъ ученикамъ, почему и выдавалъ себя, въ тогдашнее время, ученымъ человекомъ, однако

(*) „Домострой“ гл. XVІІІ, стр. 34.

былъ вздорный, пьяный и весьма неприличный быть учителемъ благородному юношеству, гдѣ учитель долженъ своимъ добрымъ нравомъ, поведеніемъ и хорошими поступками во всемъ учении образцомъ быть: а онъ рѣдкій день приходилъ въ школу не пьяный“.

Видно, что тогда былъ великій недостатокъ ученыхъ людей въ артилеріи, когда принуждены были опредѣлить въ школу колодника и смертоубійцу. Ко всему этому надо прибавить, что родители какъ-то неохотно отдавали своихъ сынковъ на чужую сторону въ науку и всегда были не прочь отдѣлаться отъ подобной напасти. Въ предупрежденіе этого обычая, были изданы многіе указы и повелѣнія, постановлявшіе порядокъ опредѣленія дворянскихъ дѣтей въ корпуса и тогдашнія военно-учебныя заведенія.

Такъ при Петрѣ I всѣ недоросли должны были являться на смотръ, на которомъ имъ дѣлали разборъ, назначая кого въ морскую, а кого въ полевую службу. На этихъ осмотрахъ бывалъ часто самъ царь, но собственно занимался ими сначала назначенный Петромъ полковникъ и гвардіи капитанъ Кошелевъ, а потомъ герольдмейстерская контора. Собранные, по чуждой имъ волѣ и желанію, въ то или другое заведеніе, въ тотъ или другой родъ службы, и не имѣя сами по себѣ никакой охоты учиться, недоросли нерѣдко появлялись въ корпусъ и прямо приносили съ собой подписку „что впредь науки обучить не могутъ (*), думая тѣмъ избавиться отъ школьной скамьи и ненавистой имъ науки. Часто на такое обязательство не обращали вниманія; тогда они просто уходили сами изъ заведенія, записывались въ гвардейскіе полки и поступали простыми солдатами.

Вообще побѣги изъ корпуса, несмотря на всю строгость, были нерѣдки, хотя виновныхъ судили военнымъ судомъ какъ дезертеровъ. Но надо вспомнить — говоритъ Веселаго — что многіе изъ такихъ недорослей уже хаживали въ одиночку на медвѣда, что кулачный бой считался однимъ изъ пріятнѣйшихъ препровожденій времени, что многіе изъ нихъ придерживались пословицы: „пей да дѣло разумѣй“, и тогда становится понятнымъ, что сосѣди, жившіе около корпусовъ, твердо были убѣждены, что заборы и замки мало предохраняютъ ихъ съѣстные припасы отъ расхищенія“.

(*) „Исторія морскаго корпуса“, стр. 87.

Нужно было принять строгія мѣры, на основаніи которыхъ и предписывалось (*), чтобы всѣ недоросли, начиная отъ семилѣтняго возраста, непременно являлись и записывались: въ Петербургѣ у герольдмейстера, въ Москвѣ и въ губерніяхъ у губернаторовъ, гдѣ должны объявлять лѣта и степень своихъ познаній. По достиженіи каждымъ изъ нихъ двѣнадцатилѣтняго возраста, они обязывались являться на второй смотръ и умѣть уже читать и писать. Если при этомъ родители, имѣвшіе впрочемъ не мѣнѣе ста душъ, обязались выучить сына ариметикѣ и геометріи, то ихъ отпускали опять домой до шестнадцатилѣтняго возраста, съ обязательствомъ явиться, по истеченіи этого срока, въ третій разъ на смотръ, но въ Петербургъ или въ Москву въ герольдію, откуда они отправлялись въ сенатъ, гдѣ ихъ и экзаменовали. Получившихъ удовлетворительную отмѣтку въ знаніяхъ ариметики и геометріи отпускали послѣдній разъ домой, на попеченіе родителей, еще на четыре года съ обязательствомъ выучить геометрію, фортификацію и исторію, и уже двадцати лѣтъ недоросли окончательно являлись въ Петербургъ и поступали въ военную службу. Люди же бѣдные, не имѣвшіе ста душъ, разставались съ своими дѣтьми гораздо раньше, послѣ втораго смотра, т. е. съ двѣнадцатилѣтняго возраста мальчика, который и назначался въ поступленію въ учебныя заведенія, смотря по желанію и способностямъ.

При такомъ способѣ воспитанія, князю Прозоровскому приходилось, по выпускѣ изъ корпуса, самому заботиться о приобрѣтеніи основательныхъ познаній и научныхъ свѣдѣній. Трудолюбіе его, оставленная имъ огромная по тогдашнему времени и замѣчательная нынѣ бібліотека—свидѣтели его заботы о собственномъ образованіи.

По обычаю того времени, князь Александръ Александровичъ былъ записанъ на восьмомъ году своей жизни (въ 1742 г.) солдатомъ въ гвардію. Еще во времена Петра I было принято правиломъ, чтобы дѣти дворянъ начинали службу съ нижняго чина. Правило это исполнялось въ дѣйствительности и буквально только бѣдными людьми. Богатые же, числясь въ полкахъ, жили при родителяхъ или, находясь въ кадетскомъ корпусѣ, были повышаемы въ званіяхъ. Князь Прозоровскій точно такъ прошелъ званія капрала, фурьера, каптенармуса, сер-

(*) Указами 1736 г. мая 6-го и декабря 31-го и 1737 февраля 9-го. См. „Под. Собр. Зак.“

жанта и 25-го апрѣля 1754 года былъ произведенъ въ поручики арміи.

Черезъ три года была объявлена война Пруссіи, и князь Александръ Александровичъ находился въ составѣ корпуса уже въ чинѣ капитана.

Участвуя 19-го августа 1757 года въ грое-егерсдорфскомъ сраженіи, онъ былъ раненъ въ лѣвую ногу пулею и произведенъ за отличіе въ секундъ-маіоры.

Состоявшійся тогда высочайшій указъ о томъ, чтобы лицъ, участвовавшихъ въ сраженіяхъ, производить въ слѣдующіе чины преимущественно за отличіе, а не по старшинству, послужилъ въ быстрому возвышенію князя Прозоровскаго. Въ слѣдующемъ 1758 году онъ получилъ премьеръ-маіорскій чинъ, за отличіе при атакѣ города Кюстрина и въ сраженіи подъ Цорндорфомъ (14-го августа), гдѣ былъ раненъ въ правое плечо насквозь пулею. Затѣмъ указъ о производствѣ за отличіе уничтоженъ, и князь Прозоровскій въ 1759 г. по старшинству произведенъ въ подполковники. Въ слѣдующемъ году, онъ по собственной просьбѣ былъ назначенъ въ отрядъ генераль-маіора графа Тотлебена, съ которымъ участвовалъ въ экспедиціи противу Берлина, гдѣ былъ командированъ съ 300 охотниковъ атаковать Галацкія ворота. Какъ атака, такъ и оборона были весьма горячія: всѣ офицеры или убиты или ранены, на князѣ Прозоровскомъ прострѣлена шляпа, но, несмотря на то, ворота взяты и князь Александръ Александровичъ, въ 1761 году февраля 15-го, произведенъ за отличіе въ полковники. Въ томъ же году онъ находился въ отрядѣ графа Захара Григорьевича Чернышева и, въ соединеніи съ цесарскою арміею, подъ начальствомъ Лаудона, участвовалъ во взятіи штурмомъ города Швейдница.

Безпрерывная боевая дѣятельность князя Прозоровскаго быстро повыпала его въ чинахъ. Въ 1766 г., 18-го мая, князь Александръ Александровичъ произведенъ въ генераль-маіоры, имѣя отъ ролу немногимъ болѣе 30 лѣтъ (*).

Съ производствомъ въ генералы, открылось для дѣятельности князя Прозоровскаго болѣе обширное поприще. Изъ лица, исполняющаго приказанія высшаго начальства, онъ сталъ самъ

(*) Баятышъ-Каменскій говоритъ, что князь Прозоровскій былъ произведенъ въ генераль-маіоры въ 1765 г., что несправедливо. См. „Біографіи російск. генераловъ и есаулъ.“ изд. 1840 г. ч. III, 2.

распорядителемъ; имѣвъ возможность выказать свои военные и административныя способности. Великій Суворовъ заявилъ свои блестящія военныя дарованія въ борьбѣ съ польскими конфедератами; на долю князя Прозоровскаго выпало тамъ же обнаружить свои способности.

Восемнадцатый вѣкъ закончилъ свое бытіе тѣмъ, что вычеркнулъ Польшу изъ состава европейскихъ государствъ и уничтожилъ на картѣ ея существованіе. Во второй половинѣ семисотыхъ годовъ, страна эта представляла рѣдкую смѣсь власти съ безначаліемъ, силы съ слабостію. Польша не была королевствомъ, не была и республикою. Западъ ея былъ населенъ католиками, съ весьма незначительнымъ числомъ протестантовъ; на востокѣ, въ Литвѣ, жители были преимущественно православнаго исповѣданія. Еще въ концѣ XVII столѣтія, въ договорѣ между Россією и Польшею было включено условіе, по которому православное населеніе должно было пользоваться свободою вѣроисповѣданія и правами наравнѣ съ прочими гражданами королевства. Въ началѣ семисотыхъ годовъ Польша нарушила это обязательство. Православныя церкви отбирались католиками, которые дѣлали имъ всевозможныя притѣсненія. За право исповѣдывать православную религію, совершать богослуженіе надо было платить деньги. Поляки стѣсняли православныхъ въ свободѣ церковнаго колокольнаго звона, печатанія богослужебныхъ книгъ, постройки и починки церквей. Въ гражданскомъ быту православное дворянство и городскія сословія лишены были права на общественную службу, на полученіе чиновъ и проч.

Потерявъ терпѣніе, диссиденты (*) составили въ Слудкѣ и Торнѣ особая конфедерація съ цѣлію принять мѣры къ возвращенію потерянныхъ правъ. Конфедерація была законное вооруженное возстаніе противъ дѣйствій правительства, не нравившихся большинству. Собравшаяся шляхта объявляла о своихъ неудовольствіяхъ, заявляла свои требованія, выбирала себѣ предводителя, называвшагося маршаломъ конфедераціи, подписывала конфедераціонный актъ, предъявляла его въ ближайшемъ присутственномъ мѣстѣ и возстаніе признавалось законнымъ. Такъ было и теперь. Депутаты конфедераціи, 28-го апрѣля 1767 г. были допущены въ королевской рукѣ, что служи-

(*) Диссидентами называли сначала все населеніе не-католическаго вѣроисповѣданія, а впослѣдствіи только тѣхъ, которые уклонились отъ римской церкви.

ло знакомъ законности диссидентской конфедераціи. Къ началу іюня 1767 г. въ Литвѣ образовались въ разныхъ городахъ и мѣстечкахъ 24 конфедераціи, которыя, вмѣстѣ съ открытыми въ Польшѣ, насчитывали въ своихъ рядахъ 80,000 шляхты. Конфедераціи открылись подъ покровительствомъ нашего посла князя Рѣпинна—покровительствомъ, котораго искали и просили сами поляки—и подъ прикрытіемъ нашихъ войскъ, въ составѣ которыхъ находился князь Прозоровскій. 16-го апрѣля 1767 г. князь Александръ Александровичъ командированъ былъ съ отрядомъ войскъ изъ Вильны въ Брестъ-Литовскъ, для наблюденія, чтобы въ назначенной ему дистанціи католическія и диссидентскія конфедераціи исполнялись по даннымъ ему княземъ Рѣпиннымъ наставленіямъ. Изъ Брестъ-Литовска отрядъ Прозоровскаго вызванъ былъ въ Варшаву для пребыванія тамъ во время сейма.

Участіе въ конфедераціи католиковъ повело къ тому, что Польша грозила явная гражданская война, въ которой, безъ всякаго сомнѣнія, диссиденты, какъ слабѣйшіе, должны были пострадать. Они обратились тогда съ просьбою о защитѣ и покровительствѣ къ европейскимъ державамъ. Россія, Англія, Пруссія, Данія и Швеція приняли участіе въ судьбѣ диссидентовъ. Начались переговоры и обмѣнъ мнѣній. Польскій король, избравшійся одною шляхтою, былъ безсиленъ, чтобы уничтожить сословную вражду. Крайнее и ненормальное развитіе личности въ польской шляхтѣ, стремленіе къ свободѣ, ложно понимаемой и веимѣвшей границъ, и уваженіе только къ собственному я, въ ущербъ интересамъ общества, составляли главную причину слабости и разстройства Польши.

Всѣ дѣла рѣшались на сеймахъ, для которыхъ необходимо было единогласіе. Каждый несогласившійся могъ уничтожить рѣшеніе сейма, или, какъ говорили, могъ *сорвать* сеймъ. Это повело къ тому, что въ продолженіе тридцати послѣднихъ лѣтъ всѣ сеймы были *сорваны*.

Безъ постановленія сейма король не могъ ничего предпринять, ничѣмъ распорядиться: личность его была безгласна.

Россія скоро увидѣла, что свои представленія ей необходимо поддержать вооруженною рукою. Русскія войска вступили въ Польшу, заняли ея столицу; главные руководители во всѣхъ стѣсненіяхъ диссидентовъ, епископы: краковскій—*Солтыкъ*; вѣевскій—*Залускій* и воевода краковскій *Ржев-*

скій, съ сыномъ своимъ Севериномъ, по приказанію Рѣвни-на были арестованы полковникомъ Игельстромомъ. Онъ передалъ ихъ, для отправленія въ Вильну, князю Прозоровскому, стоявшему скрытно въ городѣ, на перевозѣ рѣки Вислы, съ двумя гренадерскими ротами. Арестованные польскіе магнаты были отправлены впоследствии въ Калугу.

Съ отправленіемъ ихъ, поляки успокоились, и тогда былъ подписанъ новый договоръ съ Польшею. Пренныя учрежденія, обидныя и стѣснительныя для диссидентовъ, отменены. Актомъ, постановленнымъ съ участіемъ Пруссіи, Англіи, Швеціи и Даніи, положено обезпечить права дворянства, свободу его голоса на сеймахъ, безъ единогласнаго рѣшенія сейма не измѣнять податей и тарифовъ, не увеличивать числа войскъ, поголовнаго ополченія, не объявлять войны и не заключать мира. Русскія войска оставили владѣнія республики. Тотчасъ по выходѣ ихъ, поляки, недовольные правами, предоставленными диссидентамъ, успѣшили образовать въ Подоліи, въ городѣ Барѣ, свою конфедерацію, извѣстную подъ именемъ барской конфедераціи, и придали ей значеніе возстанія за вѣру и свободу, униженныя будто бы послѣдними событіями и постороннимъ вмѣшательствомъ. Собравшіеся на конфедераціи кричали о слабости Польши и о необходимости уничтожить зависимость ея отъ другихъ государствъ. Всѣ неурядица страны приписывались слабости короля, на жизнь и свободу котораго сдѣлано было покушеніе. Конфедерація, составленная изъ лицъ враждебныхъ диссидентамъ, боявшаяся за будущность католическаго населенія, положила призвать все дворянство къ оружію, объявить Россію непріателемъ Польши, пригласить къ возстанію жителей нашихъ пограничныхъ губерній и отправить къ иностраннымъ державамъ своихъ депутатовъ съ просьбою о помощи.

Такимъ образомъ, поляки, хлопотавшіе о независимости и самостоятельности, сами же передавали себя въ руки другой державы и уничтожали свою самостоятельность. Волненія и крики въ Польшѣ увеличивались и возбудили вниманіе Австріи, Франціи и Турціи.

Австрія готова была содѣйствовать полякамъ изъ одного только желанія ослабить вліяніе Россіи на дѣла Польши. На первый разъ она довольствовалась тѣмъ, что давала конфедератамъ убѣжище въ своихъ владѣніяхъ. Ее пугалъ къ тому же союзъ Россіи съ Пруссіей. Австрія никогда не могла считать

своимъ другомъ Фридриха Великаго. Открытыя дѣйствія противъ политическаго поведенія русскаго двора Австрія считала опасными, и потому предпочла дѣйствовать тайными путями.

Представитель Франціи, герцогъ Шуазель, также смотрѣлъ недоброжелательно на Россію, и не допускалъ мысли, чтобы петербургскій кабинетъ могъ располагать своими политическими поступками безъ посредства тюльерискаго двора.

Положеніе нашей границы, отдѣленной отъ Франціи другими державами, не позволяло прямого вмѣшательства въ дѣла при содѣйствіи силы, и было причиною того, что Шуазель отправилъ въ Польшу своего уполномоченнаго съ деньгами.

Посланный Шуазелемъ драгунскій капитанъ Толесъ, познакомившись съ поляками, нашелъ, что не стоитъ тратить для нихъ французскихъ денегъ. Сообщая о своемъ мнѣніи Шуазелю и боясь, чтобы письмо не попало въ руки поляковъ, онъ написалъ своему министру слѣдующую лаконическую записку: „такъ какъ я не нашелъ въ этой странѣ ни одной лошади, достойной занять мѣсто въ конюшняхъ королевскихъ, то возвращаюсь во Францію съ деньгами, которыхъ я не хотѣлъ употреблять на покупку влячь“ (*).

Получивъ такое увѣдомленіе, французскій министръ сталъ дѣйствовать на Порту, склоняя ее помочь полякамъ силою и обѣщая съ своей стороны поддержку деньгами.

Порта была старинною союзницею и весьма часто орудіемъ честолюбивыхъ замысловъ Франціи, которая всегда находила средства и возможность вмѣшиваться въ наши дѣла съ Турціею и являться посредницею и примирительницею враждующихъ сторонъ. Такъ, послѣ войны 1739 года, мирный договоръ Россіи съ Турціею былъ подписанъ французскимъ министромъ. Этому посредничеству мы обязаны тѣмъ, что потерявъ много людей и денегъ, одержавъ много побѣдъ надъ турками, заключили миръ безъ существенныхъ выгодъ для себя.

Точно такимъ же путемъ тюльерискій кабинетъ шелъ и теперь. Герцогъ Шуазель успѣлъ внушить Турціи, что усиливающееся вліяніе Россіи на дѣла Польши опасно для ея границъ. Внушенія подрѣплялись посылкою въ Константинополь благороднаго металла, по обычаямъ востока доказывающаго искренность дружбы со стороны дарящаго.

Продажные члены дивана колебались, и хотя склонялись

(*) Соловьевъ „Ист. пад. Польши“, стр. 95.

на требованія Франціи, но не рѣшались объявить открыто войну Россіи. Случай вывелъ ихъ изъ затруднительнаго положенія.

Барская конфедерація и волненія, происходившія по поводу ея въ Польшѣ, заставили польскаго короля просить объ оставленіи русскихъ войскъ въ королевствѣ. Просьба его была исполнена: русскія войска не только оставлены, но и употреблены на усмиреніе волнующихся. Собравшіеся конфедераты были разбиты и разсѣяны нашими войсками.

Князь Прозоровскій, съ отрядомъ изъ 1,000 человекъ пѣхоты и кавалеріи, отправленъ въ подкрѣпленіе Бердичеву. На дорогѣ онъ узналъ, что къ Варшавѣ пробирается партія конфедератовъ числомъ до 1,000 человекъ. Настигнувъ ее при м. Топаровѣ, 18-го іюня, князь Александръ Александровичъ загналъ конфедератовъ въ замокъ, окружилъ его и привудилъ поляковъ сдаться военноплѣнными. Отсюда онъ двинулся опять къ Бердичеву и на дорогѣ узналъ, что городъ взятъ нашими войсками. Но въ то же время онъ узналъ о сборѣ новой шайки конфедератовъ, намѣревавшихся двинуться къ Кракову. Князь Прозоровскій получилъ приказаніе преслѣдовать и разбить эту шайку. Краковъ былъ обложенъ нашими войсками, взятъ штурмомъ и князь Прозоровскій получилъ за это орденъ св. Анны. Вслѣдъ затѣмъ князь Александръ Александровичъ былъ назначенъ командовать корпусомъ Кречетникова, смѣненнаго за злоупотребленія. Это новое назначеніе призывало его къ еще болѣе усиленной дѣятельности.

Въ Подолиі, близъ города Винницы и недалеко отъ Балты (*), тогда пограничной татарской деревни во владѣніи Порты, отрядъ нашихъ войскъ, преслѣдуя конфедератовъ, вступилъ съ ними въ дѣло. Во время перестрѣлки вспыхнулъ пожаръ и деревня сгорѣла.

Турецкое правительство воспользовалось этимъ, и приписывая начало непріязненныхъ дѣйствій нашему правительству, объявило войну Россіи.

Съ началомъ непріязненныхъ дѣйствій князю Александру Александровичу поручено было озаботиться заготовленіемъ продовольствія для арміи, укрѣпить Полону, Броды и Станиславовъ, и войти въ сношеніе съ господаремъ молдавскимъ,

(*) Пограничное мѣстечко, которое рѣчка Кадыма отдѣляла отъ татарской дер. Галты.

стараясь склонить его на нашу сторону. Князь Прозоровскій заготовилъ провіантъ частію покупкою, а часть болѣе значительную отбитіемъ у турокъ магазиновъ, расположенныхъ по р. Днѣстру, и вслѣдъ затѣмъ былъ назначенъ въ составъ арміи, дѣйствовавшей противъ турокъ.

II.

Подъ предлогомъ защиты Польши, а на самомъ дѣлѣ съ намѣреніемъ завладѣть частію ея провинцій, султанъ Мустафа объявилъ войну Россіи.

Повелитель Турціи, при самомъ вступленіи своемъ на престоль, обнаружилъ страсть къ завоеваніямъ. Послѣ опоясанія себя въ мечети саблею, что составляетъ у турокъ обрядъ вѣнчанія на царство, Мустафа, возвращаясь во дворець, долженъ былъ проѣзжать мимо янычарскихъ казармъ. По существовавшему издавна обычаю онъ остановился у первой орты (рота) янычаровъ, въ которой султаны считались въ числѣ рядовыхъ.

Ему поднесли стаканъ шербету; онъ принялъ его сидя на лошади.

— „Да будетъ угодно Богу“ — сказалъ Мустафа, выпивъ стаканъ — „и великому нашему пророку, чтобы мнѣ съ вами, любезные товарищи, пить сей шербетъ въ столицѣ невѣрныхъ.“

Вмѣшательство Франціи и воинственныя наклонности султана послужили основаніемъ къ непріязненнымъ дѣйствіямъ Турціи противъ Россіи. Мустафа сталъ удалять отъ управленія государственными дѣлами всѣхъ тѣхъ, которые были противъ войны съ Россіею и назначалъ вмѣсто нихъ людей, поддерживавшихъ въ немъ воинственное настроеніе. Обстоятельства, казалось, благоприятствовали новому султану. Уважаемый народомъ и противникъ войны съ Россіею муфти-Бели-эфенди умеръ. Санъ его, по назначенію султана, принялъ Османъ-мулла, человекъ тонкій, хитрый, сребролюбивый и коварный, „котораго сами турки не безъ причины называли безвѣрнымъ“.

Нерасположенный къ Россіи и будучи еще намѣстникомъ умершаго муфти, Османъ далъ уже свою фетву, или согласіе, на войну, чего покойный муфти не рѣшался сдѣлать.

Верховный визирь Муссунъ-Оглу былъ низложенъ и сосланъ въ заточеніе, за сопротивленіе разрыву мира съ Россіею. Вмѣсто него назначенъ Хабза-паша, ненавидѣвшій христіанъ и пристрастный къ войнѣ. Вступивъ въ новую долж-

ность визиря, Хабза тотчасъ же началъ дѣлать военныя приготовления и распускалъ по Константинополю слухи о скорой войнѣ съ невѣрными.

25-го сентября 1768 г. русскій резидентъ Обресковъ былъ позванъ къ верховному визирю, который объявилъ ему о войнѣ съ Россією. Объявленіе это состояло въ томъ, что Обресковъ и вся его свита были заключены въ Семибашенную крѣпость.

Крѣпость эта, построенная еще греческими императорами, назначалась для храненія царскихъ сокровищъ и дѣланія монеты. Окруженная высокою каменною стѣною съ зубцами, на подобіе старинныхъ монастырей, она служила у турокъ также мѣстомъ храненія пороха и заточенія важнѣйшихъ государственныхъ преступниковъ. Въ одной изъ ея комнатъ, освѣщенныхъ единственнымъ окномъ, сдѣланномъ на самомъ верху, были помѣщены русскій резидентъ со всею его свитою. Вслѣдъ затѣмъ появился манифестъ, въ которомъ говорилось: „Мы указали російскому двору, дабы онъ безъ всякаго отлагательства вывелъ войска свои изъ Польши; но оный дворъ дерзнулъ сего нашего повелѣнія не исполнить и черезъ то явно оказался ослушнымъ. Дабы за такое непослушаніе наказать его чувствительнѣйшимъ образомъ, мы объявили ему войну, чего ради всѣ ревностные мусульмане должны всѣми силами своими намъ вспомошествовать и стараться безвѣрнымъ москвитянамъ всякое зло и вредъ причинять“ (*).

Жители Константинополя, подготовленные распускаемыми слухами, приняли съ радостію извѣстіе объ объявленіи войны Россіи. Въ самомъ городѣ и „во всѣхъ онаго окрестностяхъ буйная чернь, бывъ въ изступленіи отъ безвѣрной о томъ радости, производила грабежи и насилія не токмо противъ христіанъ, но и весьма многихъ магометанъ“ (**). Энтузіазмъ черни, грозившій опасностію христіанскому населенію, заставилъ всѣхъ почти иностранныхъ министровъ разстаться съ сельскимъ воздухомъ и съ дачъ переѣхать въ Перу, предмѣстье Константинополя.

Однимъ изъ первыхъ распоряженій визиря Хабза-паши было вызвать въ Константинополь низложеннаго крымскаго хана Керимъ-Гирея, носившаго иногда имя и Дели-хана. Керимъ былъ храбръ, предприимчивъ и до крайности вспыльчивъ. Онъ

(*) „Плѣнъ и страданіе россіянъ у турокъ“ Н. Б. изд. 1790 г.

(**) „Плѣнъ и страданія россіянъ у турокъ“. Изд. 1790 г., стр. 8.

не былъ утвержденъ Портою ханомъ крымскимъ, но успѣлъ достигнуть этого званія при содѣйствіи взбунтовавшихся едисианскихъ татаръ. Собравъ до 30,000 татаръ, Керимъ-ханъ вторгнулся съ ними въ Молдавію и Валахію и только Дунай, сильно разливавшійся, воспрепятствовалъ ему овладѣть Адрианополемъ. Безсильная въ то время Порты, испуганная смѣлымъ поступкомъ Керима, принуждена была признать его ханомъ, но вскорѣ потомъ выжидала удобный случай, низложила Керима съ ханства и отправила въ заточеніе на островъ Кипръ, откуда вызванный онъ пріѣхалъ 17-го октября въ столицу оттоманской имперіи.

Предстоявшая война дѣлала Керимъ-Гирея необходимымъ Портѣ. Онъ былъ принятъ съ почестями и осыпанъ милостями султана. Тотчасъ по пріѣздѣ ему пожаловано перо, осыпанное брилліантами и называемое *суручемъ*, кинжалъ, украшенный драгоценными камнями, часы съ алмазами и нѣсколько мѣшковъ денегъ. Вслѣдъ затѣмъ султанъ надѣлъ на него шубу, извѣстную подъ именемъ *кабаницы*, которая дается только принцамъ крови или визирямъ за чрезвычайныя заслуги.

Вызвавшій изъ заточенія Керимъ-Гирея, визирь Хабзапаша, вскорѣ послѣ объявленія войны, сошелъ съ ума и 20-го октября отправленъ на островъ Кандію въ заточеніе. На пути онъ умеръ и далъ тѣмъ поводъ суевѣрнымъ туркамъ считать это происшествіе худымъ предзнаменованіемъ для войны.

Вмѣсто него назначенъ визиремъ Еминъ-паша, по происхожденію черкесь, человекъ вспыльчивый, горячій, но умный и свѣдущій въ дѣлахъ.

Съ наступленіемъ новаго 1769 года, въ концѣ января, турки праздновали байрамъ—праздникъ, по значенію своему для магометанъ, равняющійся нашему свѣтлому Христову Воскресенію.

Нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ въ Серафѣ возвѣстили городу о появленіи луны и о началѣ праздника. Каждый магометанинъ предается въ эти дни полному разгулу. Турецкое правительство старалось воспользоваться народными страстями, возбужденными праздникомъ.

На третій день байрама верховный визирь, муфти, съ духовенствомъ, министры, военные и гражданскіе чиновники, прежде восхода солнца, собрались въ Серафѣ, въ большой палатѣ, въ которой обыкновенно верховный визирь припи-

масть пословъ. Послѣ молитвы, съ особою церемонією, былъ вынесенъ конскій хвостъ—*конакс-туй*, или бунчугъ, который во время похода посылается всегда впередъ, и, по обычаю турокъ, выставляется на показъ за 40 дней до выступления войска въ походъ. Бунчугъ былъ поставленъ подлѣ каменнаго крыльца, гдѣ визирь обыкновенно садится на лошадь. Передъ толпой собравшагося на церемонію народа прочитана молитва о ниспосланіи съ неба благословенія на оттоманское оружіе и заколото нѣсколько барановъ. Точно также черезъ нѣсколько часовъ былъ выставленъ бунчугъ и янымарскаго али передъ казармами войска.

Порта собирала значительныя силы и намѣревалась предупредить русскихъ открытіемъ военныхъ дѣйствій, съ цѣлю поддержать польскихъ мятежниковъ и увеличить число ихъ. Орудія и снаряды отправлялись изъ Константинополя водою прямо въ Исакчу, гдѣ наводили и мостъ черезъ Дунай.

Планъ дѣйствій турокъ состоялъ въ слѣдующемъ: верховный визирь долженъ былъ двинуться къ Хотину и здѣсь переправиться черезъ р. Днѣстръ. Для обезпеченія сообщенія съ правымъ берегомъ Днѣстра, другой отрядъ долженъ былъ занять крѣпость Каменецъ Подольскій, третій отрядъ пройти до Варшавы, свергнуть короля и двинуться къ Днѣпру двумя колоннами: одною на Кіевъ, другою на Смоленскъ. Крымскій ханъ въ то же время обязанъ былъ вторгнуться въ наши границы съ юга. Наконецъ составленъ былъ еще отдѣльный корпусъ для дѣйствія къ сторонѣ Астрахани. На Черномъ морѣ снаряжена флотилія для завладѣнія Таганрогомъ и Азовомъ (*).

Въ первыхъ числахъ февраля началось торжественное отправленіе турецкихъ войскъ изъ Константинополя. 10-го февраля, начиная съ восьми часовъ утра и до пяти пополудни, по улицамъ столицы, по направленію къ полю, называемому Даудъ-баша, тянулись всѣ цехи, доставлявшіе войскамъ мастеровыхъ: сѣдльничковъ, кузнецовъ и проч. При выступленіи, „многіе сумасброды — замѣчаетъ современникъ — въ знакъ ревности къ службѣ и неустрашимости въ войнѣ дѣлали ножами сами на себѣ раны, а нѣкоторые, прозвивъ у себя насквозь руку кинжаломъ и не вынимая онаго изъ раны, шли такимъ образомъ по улицѣ, показывая зрителямъ, что могутъ сносить вся-

(*) Петровъ, „Война съ Турцією и польскими конфедератами“ ч. I, 112.
Т. LXII. Стл. II.

кую боль отъ извѣ непріятельскаго оружія, хотя въ то же время слабосильнѣйшіе унадали въ обморокъ и измѣняли буйному тщеславію своему“ (*).

Султанъ, выѣхавшій со всѣми своими женами смотрѣть на эту церемонію, одѣлалъ подарки старшинамъ каждаго цеха и присутствовалъ при распредѣленіи мастеровыхъ по полкамъ визира. Черезъ день выступило изъ столицы Турціи до 12,000 янычаровъ. Выступление было также церемоніальное. Впереди ѣхали 90 человекъ водовозовъ, одѣтыхъ въ кожаное платье, увѣшанное колокольчиками. За ними шли одна за другою янычарскія орты или роты, имѣя предъ собою свое знамя, а позади капитаны въ нарядномъ платьѣ, розданномъ султаномъ за нѣсколько часовъ до выступления въ походъ.

Позади орты ѣхалъ на прекрасной и хорошо убранной лошади янычаръ-ага, главный ихъ предводитель, одѣтый въ великолѣпную соболью шубу, подаренную ему султаномъ. Передъ нимъ везли бѣлый штэфный штандартъ, богато вышитый золотомъ.

16-го февраля выѣхалъ въ Даудъ-баши и верховный визирь. Тамъ ожидало его все войско, выступившее изъ Константинополя и его окрестностей. Передъ визиремъ ѣхалъ муфти, сопровождая санджакъ-шерифъ (магометово знамя). Верховнаго визира окружали 200 человекъ тѣлохранителей. Турки не знаютъ, что настоящій санджакъ-шерифъ давно потерянъ ими въ войнѣ съ нѣмцами. Принимая поддѣльный за истинный, они убѣждены, что когда христіане увидятъ эту святыню, то или ослабнутъ, или обратятся въ бѣгство. Съ появленіемъ этого знамени энтузіазмъ народа доходитъ до крайности, а турецкое правительство употребляетъ все средства, чтобы возбудить въ народѣ ненависть къ христіанамъ. Множество христіанъ убитыхъ, избитыхъ и изувѣченныхъ дѣлаются жертвою народнаго увлеченія и ярости необузданной черни. Такъ было и въ 1769 году: разъяренная толпа, ворвавшись въ домъ царскаго посланника, изувѣчила его самого съ женою и умертвила трехъ дочерей самымъ жестокимъ образомъ. Въ этотъ день, по сказанію современника, въ Константинополь было убито до 200 человекъ христіанъ и болѣе 500 ранено.

23-го марта султанъ, въ сопровожденіи муфти и духовенства, посѣтилъ собранное войско, а по совершеніи молитвен-

(*), Жизнь и страданіе россиянь у турокъ“ изд. 1790 г., стр. 37.

ныхъ обрядовъ оно выступило въ походъ. Султанъ провожалъ около 16 верстъ верховнаго визиря до того мѣста, гдѣ визиремъ изготовленъ былъ великолѣпный обѣдъ, на которомъ и присутствовалъ.

Съ самаго начала открытія военныхъ дѣйствій туркамъ не случилось. Въ станѣ визиря, 24-го марта, узнали о смерти Керимъ-Гирея, на котораго возлагали многія надежды. Въмѣсто умершаго назначенъ новый ханъ Девлетъ-Гирей, который явился въ главной квартирѣ визиря 27-го марта. Ему надѣли соболью шубу, наорными параднымъ обѣдомъ и отпустили домой.

Желаніе турецкаго правительства предупредить Россію въ открытіи военныхъ дѣйствій и вторгнуться въ наши границы не увѣнчалось успѣхомъ.

Наше правительство также хлопотало о скорѣйшемъ сборѣ войскъ. Полевая артилерія доставлялась къ мѣсту сбора со всѣми необходимыми припасами, устраивались магазины, покупались лошади и набирались рекруты. Несмотря на глубокую осень и потомъ на самую непостоянную и непогодливую зиму, полки выступили изъ разныхъ пунктовъ, со своихъ постоянныхъ квартиръ, и многіе изъ нихъ, пройдя болѣе полуторы тысячи верстъ по трудной дорогѣ и при ненастной погодѣ, успѣли прибыть къ границѣ къ началу апрѣля.

Въ 1769 году граница Россіи съ Турціею шла отъ Елисаветграда по Днѣпру до Запорожской сѣчи; отсюда черезъ Бахмутъ къ Азовскому морю.

Начиная отъ границы и до самаго Чернаго и Азовскаго морей пролежала почти голая, обширная и безводная пустыня; отдѣлявшая русскія владѣнія отъ Крыма, который признавалъ надъ собою власть Порты. Последняя сообщалась съ Крымомъ при посредствѣ крѣпостей Очакова и Кинбурна. Крѣпости Хотинъ, Бендеры и Аверманъ, всѣ расположенныя по Днѣстру, защищали восточную границу Турціи, а рядъ крѣпостей, расположенныхъ по Дунаю, составлялъ вторую оборонительную ея линію. Отъ Азова по р. Кубани и на Кавказѣ жили горцы, находившіеся въ полузависимости: одни отъ Порты, другіе отъ Крыма. Къ границѣ отъ Елисаветграда до Кіева прилежала Подоля, занятая русскими войсками.

Для дѣйствія нашихъ войскъ можно было избрать одинъ изъ четырехъ путей: отъ Елисаветграда къ Днѣстру и Беса-

рабіи, отъ Азова, на Кубань или на Крымъ; въ Азіатской Турціи черезъ Кавказскія горы и Грузію, и наконецъ отъ Каменца, пограничной крѣпости въ Подоліи, къ Хотину и оттуда вдоль по Пруту черезъ Молдавію къ Дунаю. Послѣдній путь признавался наиболѣе удобнымъ для дѣйствій, такъ какъ представлялъ наименѣе затрудненій къ заготовленію продовольствія для арміи.

Главный корпусъ или такъ называемая первая армія, подъ начальствомъ князя Александра Михайловича Голицына, имѣла назначеніе не допускать турокъ въ Польшу и смотря по обстоятельствамъ дѣйствовать наступательно. 11-го апрѣля она расположилась лагеремъ въ подольскомъ воеводствѣ близъ мѣстечка Минковцы, при деревнѣ Антоновкѣ. Авангардъ, подъ командою генераль-маіора князя Александра Александровича Прозоровскаго, и резервный корпусъ, подъ начальствомъ генераль-поручика Штофельна, стояли у рѣки Днѣстра для наблюденія за непріателемъ.

Для облегченія дѣйствій первой арміи составлена была вторая, подъ начальствомъ графа Петра Александровича Румянцева. На обязанность этой арміи возложено охранять цѣлость границъ нашихъ отъ Польши до Каспійскаго моря.

Имѣя наступательно-оборонительную цѣль, главный корпусъ долженъ былъ собраться въ Новоросіи за Днѣстромъ и закрыть Малоросійскую Украйну отъ находившихся впереди двухъ непріятельскихъ крѣпостей Бендеръ и Очакова. Отрядъ, подъ командою генераль-поручика Берга, назначенъ слѣдовать къ Крыму и не только запереть выходъ изъ него, но и воспрепятствовать непріятелю, какъ единственно владѣвшему Чернымъ моремъ, высаживаться на кубанскую сторону и соединяясь съ тамошними народами дѣлать нечаянныя нападенія на наши гравицы. Послѣднее обстоятельство вызывало необходимость имѣть на Дону флотилію. Для занятія укрѣпленій Азова и Таганрога посланъ отрядъ подъ начальствомъ генераль-поручика Верреса. Отдѣльный отрядъ, подъ начальствомъ генераль-маіора де-Медема, долженъ былъ охранять границу со стороны Кубани, отъ кубанскихъ ордъ и кабардинцевъ.

Стоявшіе за Днѣстромъ польскіе мятежники, узнавъ о движеніи нашей арміи къ этой рѣкѣ, бѣжали съ находившимися при нихъ турками внутрь Молдавіи, къ Бендерамъ.

Въ Хотинѣ стоялъ 20-тысячный гарнизонъ, а въ двухъ

или трехъ мильхъ отъ него, вверхъ по Днѣстру, 13-тысячнымъ корпусъ турокъ, подъ начальствомъ четырехъ пашей.

Объ стороны не предпринимали ничего рѣшительнаго, дѣлали развѣды по Днѣстру, осматривали броды, сталкивались другъ съ другомъ и производили перестрѣлку. Посланные княземъ Прозоровскимъ развѣды сожгли селенія Сороки и Атаки.

Утромъ 12-го апрѣля, въ войскахъ, стоявшихъ въ лагерѣ, отслужена божественная дитургія и окрождены знамена. Главнокомандующій объѣхалъ войска въ сопровожденіи Ангальтскаго принца.

Черезъ два дня, армія перешла къ мѣстечку Балусу и въ тотъ же день вечеромъ князь Прозоровскій съ авангардомъ, а Штофельнъ съ резервнымъ корпусомъ, переправились здѣсь черезъ р. Днѣстръ по наведеннымъ понтоннымъ мостамъ. Слѣдомъ за авангардомъ шла и главная армія. По ея сторону рѣки остался только генералъ-маіоръ Херасковъ, съ двумя пѣхотными, однимъ карабинернымъ полками и нѣсколькими казаками, для прикрытія моста и охраненія обоза, оставленнаго на польской сторонѣ.

Армія шла налегкѣ; при ней находилось только провіанта на 8, а фуража на 5 дней.

16-го апрѣля Прозоровскій остановился у м. Новоселдцы, а Штофельнъ при деревнѣ Сербицынѣ. Турки стягивались къ Хотину.

Прозоровскій 17-го числа настигъ одинъ отрядъ изъ арміи бывшей подъ начальствомъ Караманъ-паши, имѣлъ съ нимъ перестрѣлку, но турки не столько заботились о защитѣ, сколько о томъ, какъ бы скорѣе добраться до Хотина. Черезъ четыре дня послѣ переправы, несмотря на затруднительность похода, гористую мѣстность, гдѣ часто орудія приходилось спускать съ горъ на канатахъ, несмотря на все это, армія, 18-го апрѣля, остановилась у Днѣстра, верстахъ въ пяти отъ Хотина. Въ городѣ было 20,000 турокъ; остальные 10,000 стояли лагеремъ подлѣ города и подъ выстрѣлами крѣпости.

Среди деннаго жара и ночной стужи войска встрѣтили день Пасхи, и послѣ божественной службы придвинулись ближе къ Хотину, заняли окружныя высоты и начали строить батареи. Въ три часа пополудни въ тотъ же день, 19-го апрѣля, въ войскахъ прочтенъ приказъ объ атакѣ турецкаго лагеря, и въ шесть часовъ пополудни разбитый непріятель бѣжалъ уже частію.

въ Хотинъ, а частію внутрь Молдавіи и къ Бендерамъ. Наши войска преслѣдовали турокъ до самаго предмѣстья города, гдѣ должны были остановиться, такъ какъ турки зажали его при отступленіи. Князь Прозоровскій принималъ самое дѣятельное участіе въ атакѣ непріятельскаго лагеря.

Армія почевала близъ Хотина. Неимѣніе при арміи осадной артилеріи, незначительный запасъ провіанта и наконецъ то, что взятіе Хотина не представляло никакой особенной важности въ стратегическомъ отношеніи, а между тѣмъ его можно было взять только правильною осадною, дали идею объ отступленіи отъ крѣпости.

20-го апрѣля главнокомандующій собралъ совѣтъ. На совѣтѣ находились генераль-аншефъ Олицъ, генераль-поручикъ Племянниковъ, генераль-квартирмейстеръ Кохановъ и князь Прозоровскій. Послѣдніе два предлагали штурмовать Хотинъ, прочіе же были противъ ихъ и совѣтовали отступить. Олицъ говорилъ, что турки въ оборонѣ крѣпости весьма опасны. Главнокомандующій колебался и скорѣе готовъ былъ согласиться на штурмъ. Онъ послалъ къ дежурному генералу Ступишину спросить дѣлы ли дѣстницы и фашины, но тотъ отвѣчалъ, что онѣ сожжены. Отвѣтъ этотъ послужилъ къ окончательному рѣшенію, и главнокомандующій приказалъ отступать.

Рѣшено было обозы отправить съ вечера, а рано утромъ выступить войскамъ.

Князь Голицынъ рассчитывалъ однако же на то, что турки сами выйдутъ въ открытое поле изъ желанія сразиться и отомстить за нанесенное имъ пораженіе.

21-го апрѣля войска перешли обратно къ м. Новоселицы. При отступленіи, появившаяся со стороны Прута турецкая кавалерія напала на нашъ авангардъ, состоявшій изъ Архангелогородскаго полка, прикрывавшаго обозы. Высланныя на помощь авангарду войска прогнали турокъ, для преслѣдованія ихъ былъ отправленъ генераль-маіоръ князь Прозоровскій съ казаками и гусарами, преслѣдованіе которыхъ было столь быстро, что непріятель, бѣжавшій за рѣку Прутъ, оставилъ въ рукахъ Прозоровскаго 50 верблюдовъ, навьюченныхъ имуществомъ наши, состоявшемъ въ палаткахъ, конскихъ уборахъ, платьѣ, деньгахъ и съѣстныхъ припасахъ. За это блистательное дѣло князь Прозоровскій получилъ орденъ св. Александра Невскаго.

„Князь Александръ Александровичъ!“ — писала Екатерина II въ рескриптѣ князю Прозоровскому: „видя изъ релачіи генераль-аншефа князя Голицына, что 21-го апрѣля, подъ предводительствомъ вашимъ знатный турецкій корпусъ раабить и прогнать; также будучи извѣстна и о превшихъ вашихъ, какъ храбрыхъ, такъ и разумныхъ къ службѣ отечества, полезныхъ многихъ предпріятіяхъ и счастливыхъ успѣхахъ, восхотѣла нынѣ вамъ дать отличный знакъ того благоволенія, которое ваше усердіе и ревность себѣ заслужило и для того посылаю къ вамъ знаки ордена св. Александра Невскаго и остаюсь къ вамъ доброжелательная“.

„По извѣстному Вашему Сіятельству всегдашнему моему къ вамъ почтенію“ — писалъ графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ (*) — „къ особливому моему порадованію было не только изустно отъ Ея Императорскаго Величества благоугодность о донесенныхъ княземъ Александромъ Михайловичемъ вашихъ храбрыхъ и отличныхъ противу непріятеля поступковъ, но и пожалованіемъ васъ кавалеромъ св. Александра Невскаго. Принося вамъ, съ сею высочайшею милостию, усердѣннѣе мое поздравленіе, прилагаю здѣсь, такъ какъ кавалеръ того же ордена, особливо для того, что въ мѣстѣ вашего пребыванія, сихъ знаковъ скоро и найдти не можно, три ленты и три звѣзды. Продолжайте, Ваше Сіятельство, столь похвальные и отличныя поступки и будьте увѣрены, что не токмо оныя въ забвеніи у Ея Величества никогда не будутъ, но что и высочайшими знаками Ея къ вамъ милости никогда оставлены не будете. Я, съ моей стороны, почту всегда себѣ за первый долгъ отдать заслугамъ вашимъ должную справедливость“.

По объявленію плѣнныхъ, разбитый отрядъ состоялъ изъ 5,000 человекъ лучшей турецкой конницы, подъ командою трехбунчужнаго Абазы-наши, который изъ Анатоліи поспѣшаль къ Хотину. По свѣдѣніямъ, другой отрядъ, также въ 5,000 человекъ, прибылъ изъ Анатоліи въ Исакчу, на соединеніе съ верховнымъ визиремъ, который съ значительнымъ войскомъ и магометовымъ знаменемъ располагалъ черезъ 15 дней перейти по сю сторону Дуная.

Главныя наши силы перешли обратно Днѣстръ. На той сторонѣ рѣки остались резервный корпусъ Штофельна и передовой отрядъ князя Прозоровскаго. Турки спѣшили на помощь

(*) Управлявшій тогда военною коллегіею.

Хотяву. Турецкій отрядъ въ 5,000 человекъ стоялъ на Прутѣ, при самомъ впаденіи въ него рѣчки Чугуръ. Въ Исаакѣ ожидали пріѣзда верховнаго визиря, который и прибылъ туда 3-го мая (*).

Вблизи Исаакчи, по горамъ, надъ Дунаемъ, нѣсколько выше города, расположились лагеремъ войска верховнаго визиря. На одномъ полуостровѣ рѣки возвышался замокъ, выстроенный изъ дикаго камня: онъ былъ занятъ турками. Ниже города навѣденъ мостъ на судахъ, прикрытый самою природою. Съ правой стороны мостъ защищался заливомъ, съ лѣвой стороны и съ тылу—высокими горами, а впереди протекалъ Дунай. Положеніе Исаакчи было крѣпко и выгодно для обороны турокъ; сюда водою легко доставлялись всякіе припасы для арміи, а въ окрестностяхъ города находились хлѣбородившія мѣста.

Гарнизонъ въ Бендерахъ усиливался; туда собирали всѣхъ татаръ, находившихся по степямъ Азовскимъ, и новый крымскій ханъ, племянникъ умершаго Крымъ-Гирей, Девлетъ-Гирей, съ значительнымъ войскомъ ожидался въ мѣстечко Каушаны, неподалеку отъ Бендеръ.

Въ Дубосары ожидали также прибытія войскъ и известно было, что въ слободѣ Балты (**) находилось до 2,000 турокъ съ артилеріею.

Недостатокъ продовольствія заставилъ отступитъ наши главныя силы къ Мендзибожу, лежавшему на р. Вугѣ, по дорогѣ изъ Каменца-Подольскаго и выше этого города.

У Медзибожа армія расположилась въ окрестныхъ деревняхъ въ двѣ линіи; часть пѣхотныхъ полковъ встала у мѣстечка Деражны, подъ начальствомъ самого главнокомандующаго. Первая линія пѣхотныхъ полковъ, подъ начальствомъ Олица, у д. Шутовцы; резервный корпусъ генераль-поручика Штофельна у д. Черешни; половина кавалерійскихъ полковъ, подъ начальствомъ генераль-поручика графа Салтыкова, въ м. Хмѣльникъ и его окрестностяхъ; другая половина кавалеріискихъ полковъ, подъ начальствомъ генераль-маіора Исмайлова, въ м. Литинѣ и его окрестностяхъ; полевая артилерія въ Мендзибожѣ, а передовыя войска, подъ начальствомъ генераль-маіора князя Прозоровскаго, въ м. Барѣ и его окрестностяхъ. Авангардъ

(*) „Плѣвъ и страданіе россиявъ у турокъ“ изд. 1790 г. стр. 63.

(**) Между Вугомъ и Дивстроомъ, на границѣ Молдавіи.

высылали безпрестанные разряды къ р. Днѣстру для наблюденія за движеніемъ непріятеля.

Графъ Румянцовъ, узнавъ объ обратномъ переходѣ черезъ Днѣстръ первой арміи, приказалъ нѣсколькимъ полкамъ изъ своей второй арміи перейти черезъ Днѣпръ при Кременчугѣ и Переволочнѣ, чтобы такимъ движеніемъ отвлечь вниманіе турокъ и раздѣлить ихъ силы, шедшія изъ-за Дуная, подъ начальствомъ визиря.

Генералъ-поручику Бергу, съ двумя полками пѣхоты; двумя кавалеріи, 500 донскихъ и 1,000 малороссійскихъ казаковъ, приказано занять Бахмутъ и препятствовать туркамъ сдѣлать наваденіе на Азовъ и Таганрогъ.

Вторая армія перешла вѣдѣ затѣмъ за р. Днѣстръ и расположилась одна часть въ Кременчугѣ, а другая въ Переволочнѣ.

Турки отложили свое первоначальное намѣреніе переправиться черезъ Днѣстръ и двинуться въ Польшу. Оставивъ въ Хотинѣ Караманъ-пашу съ гарнизономъ около 3,000 человекъ и нѣсколько сотъ татаръ, главныя турецкія силы двинулись въ Яссы. Въ турецкихъ войскахъ происходили волненія; янычаръ-ага былъ смѣненъ и сосланъ въ заточеніе; побѣги усиливались. По свѣдѣніямъ, въ Бендерахъ стояло 20,000 турокъ, подъ командою Сараскаръ-паши. Визирь находился въ Хантепеси. Войско его стояло лагеремъ въ пространной долинѣ, окруженной высокими горами. Урочище это было послѣднимъ сборнымъ пунктомъ турецкихъ силъ. Оно отстояло отъ Яссъ только на 8 часовъ ѣзды, а отъ Хотина, Бендеръ и Исаки переходовъ на 6 или на 7.

Крымскій ханъ расположился въ Каушанахъ; подчасій Потоцкій съ конфедератами, до 1,000 человекъ, въ м. Капанкѣ, за двѣ мили отъ Каушанъ, а въ Дубосарахъ было всего только 200 турокъ. Польскіе конфедераты въ числѣ 5,000 человекъ, подъ начальствомъ обоихъ Пулавскихъ, стояли подъ Львовымъ и разсылали партіи по окружнымъ деревнямъ для сбора провіанта. Высланный, по распоряженію князя Прозоровскаго, легкой отрядъ прогналъ польскихъ мятежниковъ, сначала въ м. Жулки, а потомъ въ Христіанполь.

28-го мая польскіе мятежники подъ Христіанполемъ были разбиты маіоромъ Древицемъ. Собравшись около Красностава, и присоединивъ къ себѣ другія партіи конфедератовъ и два

польскіи полки драгунъ, они двинулись къ Люблину, а оттуда думали слѣдовать къ Варшавѣ.

Посолъ конфедераціи, графъ Потоцкій, отправился къ верховному визирю. Онъ прибылъ въ его лагерь 4-го іюня, окруженный свитою изъ 150 человекъ конныхъ жолнеровъ и улановъ. Поѣздъ его состоялъ изъ двѣнадцати колясокъ, изъ которыхъ въ одной сидѣлъ онъ самъ, а въ остальныхъ помѣщались чиновники его свиты. Верховный визирь принялъ графа Потоцкаго весьма холодно. „Распростершись на полу передъ визиремъ, какъ рабъ передъ господиномъ, Потоцкій цѣловалъ полу одежды его и, въ самыхъ уничижительныхъ выраженіяхъ, просилъ помощи, рассказывая о нуждахъ собратій своихъ“ (*).

Графъ Потоцкій отъ имени своихъ конфедератовъ говорилъ, „что они повергають себя подъ защиту лучезарнаго, непобѣдимаго и святѣйшаго магометова знамени“; что если турецкое правительство дастъ полякамъ только 30,000 войска, то они въ состояніи будутъ выгнать всѣхъ русскихъ изъ Польши. Отвѣтъ визиря поразилъ графа Потоцкаго. Визирь отвѣчалъ, что не можетъ поручить мусульманскаго войска такимъ безвѣрнымъ, какъ поляки, что онъ можетъ довѣрить войско своимъ достойнымъ пашамъ.

Потоцкій „безмѣрно оробѣлъ и упавъ визирю въ ноги, просилъ рабски у него извиненія“ (**).

3-го іюня получено свѣдѣніе, что турецкая армія въ 160,000 человекъ перешла Дунай, съ намѣреніемъ, соединившись съ войсками, бывшими въ Яссахъ и другихъ мѣстахъ Молдавіи, открыть военныя дѣйствія. Султанскій фирманъ, читанный въ турецкихъ войскахъ, повелѣвалъ арміи, 15-го мая, быть подъ Каменцомъ-Подольскимъ и взять этотъ городъ.

5-го іюня былъ собранъ военный совѣтъ, постановившій главнымъ нашимъ силамъ подвинуться къ Каменцу-Подольскому. Такимъ образомъ армія, простоявъ въ бездѣйствіи цѣлый мѣсяцъ въ лагерь у Мендзибожа, начала 7-го мая сосредоточиваться у д. Ярмолинце (лежавшей ниже Мендзибожа, по дорогѣ къ Каменцу-Подольскому), куда прибылъ и главнокомандующій 11-го іюня.

Турки въ числѣ 12,000 человекъ переправились черезъ Днѣстръ. Прозоровскій встрѣтилъ ихъ съ своимъ легкимъ от-

(*) „Плѣвъ и страданіе россіянъ у турокъ“, изд. 1790 г.

(**) „Плѣвъ и страданіе“ стр. 73.

рядомъ, но долженъ былъ уступить многочисленности. Въ помощь ему высланъ отрядъ Штофельна изъ восьми гренадерскихъ батальоновъ и шести карбинерныхъ полковъ. Совокупнымъ дѣйствіемъ обонхъ отрядовъ турки прегнаны обратно за Днѣстръ. Въ числѣ особенно отличившихся въ этомъ дѣлѣ были князь Прозоровскій, состоявшій волонтеромъ въ своемъ отрядѣ, генералъ-майоръ и камергеръ Потемкинъ и бригадиръ Текели.

По всему видно было, что турки не отважатся на открытыя дѣйствія съ нами, а что они намѣрены держать насъ въ постоянномъ сторожевомъ и натянутомъ положеніи. Поэтому рѣшено было перейти за Днѣстръ, слѣдовать въ Хотину и искать тамъ непріятеля, такъ какъ было извѣстно, что, по просьбѣ Потоцкаго, Мегмедъ-паша назначенъ къ Хотину и въ помощь конфедератамъ, и что 12-го іюня онъ выступилъ въ походъ. Слѣдуя опять къ Хотину, первая армія выдержала сильное нападеніе до 70,000 человекъ турокъ и 2-го іюня съ боя взяла д. Башкивцы, въ трехъ верстахъ отъ Хотина, гдѣ и расположилась лагеремъ. Турки скрылись частью въ Хотинѣ, частью бѣжали за р. Прутъ, оставивъ на мѣстѣ боя множество имущества. Войска заняли находившійся вблизи города ретраншанментъ и заложили батареи, съ цѣлю бомбардировать городъ съ двухъ сторонъ: съ молдавской и съ польскаго берега. Къ вечеру, 3-го числа, армія подошла къ самому Хотину и, пригнувъ свой лѣвый флангъ къ берегу Днѣстра, охватила большую часть хотинской крѣпости. На слѣдующее утро батареи были готовы и открыто бомбардированіе по городу. Турки приготовились къ отпору и открыли огонь съ крѣпости. Главнокомандующій рѣшился держать блокаду крѣпости до послѣдней возможности, „чтобы непріятеля, тѣснотою, духотою и самымъ неминуемымъ голодомъ къ сдачѣ принудить“ (*).

По берегу же Днѣстра, ниже крѣпости, тамъ, гдѣ пролетала дорога изъ Хотина къ Бендерамъ, поставленъ отрядъ подъ начальствомъ генералъ-майора князя Прозоровскаго. Всѣ дороги къ Хотину изъ Ясъ и Бендеръ заняты нашими отрядами.

Бомбардированіе города продолжалось; турки дѣлали вылазки незначительными партіями, но безуспѣшно. Къ князю Прозоровскому являлись молдаване, съ выраженіемъ своего сочувствія, и говорили, что въ дѣсахъ ихъ собрано много скота

(*) „Журналъ военныхъ дѣйствій“.

для продовольствія турецкаго войска и что въ ямакъ много спрятано хлѣба. Посланные внутрь Молдавіи отряды собирали тамъ хлѣбъ и доставляли его въ учреждаемый магазинъ. Разъѣзды по дорогамъ изъ Бендеръ и Ясъ, а также отправление и за Прутъ доносили, что непріятеля нигдѣ не видно. Визирь стоялъ у Бендеръ, а татары съ своимъ ханомъ у Каушака. Никто изъ нихъ не отваживался предпринимать ничего рѣшительнаго. На нашу бомбардировку изъ Хотина отвѣчали только иарѣдка. Ариавты бѣжали изъ Ясъ и являлись въ отрядъ князя Прозоровскаго.

Въ хотинскомъ гарнизонѣ чувствовался недостатокъ въ хлѣбѣ и водѣ; между гарнизономъ поднялся ропотъ, „такое неудовольствіе и недовѣріе на своихъ начальниковъ, что общій бунтъ, по словамъ выбѣжавшаго къ намъ черноморскаго архимандрита Григорія Дрекаловича, былъ почти неизбеженъ“.

13-го іюля прибыли къ главнокомандующему въ лагерь присланные отъ молдавскаго митрополита съ поздравленіемъ о вступленіи русской арміи въ молдавскія границы, и съ просьбою о покровительствѣ христіанамъ.

Посланные княземъ Прозоровскимъ отряды, одинъ по бендерской дорогѣ между Прутомъ и Днѣстромъ, а другой по дорогѣ къ Ясамъ, встрѣтили турокъ, приближавшихся къ Хотину, куда по свѣдѣніямъ спѣшилъ и крымскій ханъ съ значительнымъ отрядомъ. Князь Прозоровскій получилъ приказаніе, съ легкими войсками, идти на встрѣчу непріятелю. Въ 60 верстахъ отъ Хотина, по дорогѣ отъ Ясъ, Прозоровскій встрѣтилъ хана и, не будучи въ силахъ атаковать его, началъ отступать, не упуская непріятеля изъ виду.

Вслѣдъ затѣмъ получено донесеніе князя Прозоровскаго, что непріятель остановился въ 20 верстахъ отъ Хотина. Въ помощь князю Александру Александровичу отправлены одинъ пѣхотный полкъ и гренадерскій баталіонъ, и приказано, занявъ всѣ дороги къ Хотину, не допускать непріятеля до соединенія съ гарнизономъ крѣposti. Непріятель, не двигаясь впередъ, ожидалъ подкрѣпленія; къ нему спѣшилъ на помощь посланный визиремъ трекбунчужный паша Молдаванджи съ кавалеріею и янычарами.

Главнокомандующій приказалъ отряду князя Прозоровскаго и посланнымъ ему подкрѣпленіямъ отступить и занять преж-

нѣ мѣста. Цѣлю такого приказанія было выждать сборъ турокъ и однимъ ударомъ порѣшить съ ними дѣло.

Крымскій ханъ, имѣя у себя только 25,000 человекъ, изъ желанія выручить хотинскій гарнизонъ, не дождался прибытія главныхъ турецкихъ силъ. 22-го іюля показался онъ въ виду нашихъ форпостовъ. Во второмъ часу пополудни, вытянувшись передъ арміею, „разсыпался по полю“ съ цѣлю сдѣлать нападеніе съ разныхъ сторонъ.

Князь Прозоровскій первый принялъ на себя ударъ. До восьми часовъ пополудни продолжалось жаркое дѣло, послѣ котораго татары начали отступать. Темная ночь прекратила преслѣдованіе бѣгущаго непріятеля. На слѣдующій день наши разѣзды не встрѣчали уже татаръ въ 20 верстахъ отъ крѣпости... Съ такою поспѣшностію они бѣжали и остановились только вблизи Прута, въ 40 верстахъ отъ Хотина. Блокада и бомбардированіе хотинской крѣпости были возобновлены.

На берегу р. Прута непріятель ожидалъ прибытія къ себѣ подкрѣпленія, посланнаго визиремъ подъ начальствомъ Молдаванджи-паши. Самъ визирь изъ Бендеръ перешелъ въ урочище Рябая Могила, въ одиннадцати часахъ отъ Ясъ, и стоялъ тамъ неподвижно. При отѣздѣ изъ Бендеръ, визирь былъ нѣсколько боленъ и его везли на двухъ мулахъ въ *бранкаръ*—родъ рыдвана, въ которомъ можно было, по желанію, сидѣть или лежать. Бранкаръ былъ покрытъ снаружи краснымъ сукномъ, а внутри обитъ алымъ бархатомъ и вышитъ весьма богато золотомъ. Оставляя Бендеръ, визирь былъ весьма печаленъ, будучи вполнѣ увѣренъ, что неудача турокъ въ хотинскомъ сраженіи отразится на немъ.

Генералъ-маіоръ Зоричъ изъ второй арміи былъ отправленъ графомъ Румянцовымъ съ отрядомъ къ Бендерамъ, съ цѣлю раздѣлить непріятельскія силы и воспрепятствовать туркамъ подать помощь Хотину и Крыму, куда слѣдовалъ отрядъ Берга. Дойдя до Сивадла, отрядъ этотъ не могъ двигаться далѣе. Впереди лежащая степь была выжжена, корму для лошадей достать было нельзя. По всему пути не было другой воды кромѣ колодезной, гнилой, вонючей и горькой, но и той доставало для всѣхъ. Отряду Берга приказано расположиться при Калмиушѣ и имѣть наблюденіе за движеніемъ непріятеля отъ Дивира до Самары.

Князь Гелицкий стоялъ все еще подъ Хотиною, переписывался съ гарнизономъ и требовалъ сдачи города.

Стоявшіе у Прута турки успѣли соединиться съ посланнымъ имъ визиремъ подкрѣпленіемъ и показались верстахъ въ 12 отъ нашего расположенія.

26-го іюня непріятель сдѣлалъ новое нападеніе на наши передовые посты, и послѣ перестрѣлки, остановившись въ виду нашего лагеря, сталъ окапываться. Главнокомандующій стянулъ войска къ одному пункту, и, освободивъ такимъ образомъ часть хотинской крѣпости, не могъ уже воспрепятствовать соединенію гарнизона съ прибывшимъ къ нему подкрѣпленіемъ. Четыре дня ни та ни другая сторона не предпринимали ничего, стояли другъ противъ друга и окапывались. Въ нашихъ войскахъ открылся недостатокъ въ фуражѣ и провіантѣ. Рѣшено сблизиться съ магазинами и перейти за Днѣстръ на польскую сторону, что и было исполнено 2-го августа. Двѣ непріятельскія арміи стояли теперь другъ противъ друга, раздѣленные рѣкою.

3-го августа русскія войска отступили къ деревни Княгинь, въ одной мили отъ Каменца-Подольскаго. Непріятель сталъ переправлять свою кавалерію на нашъ берегъ Днѣстра. Посланный съ отрядомъ генераль-поручикъ Салтыковъ, гдѣ находился и князь Прозоровскій, заставилъ турокъ переправиться обратно.

Султанъ былъ недоволенъ дѣйствіями визиря; его арестовали и подъ конвоемъ отправили въ Адрианополь. Когда въ Константинополѣ узнали о прибытіи визиря въ Адрианополь, то султанъ тотчасъ же отправилъ одного изъ своихъ чиновниковъ съ хати-шерифомъ (именнымъ указомъ), повелѣвающимъ привезти въ Константинополь голову визиря. Она была отрублена и, въ сентябрѣ, передъ вѣшными серальскими воротами и въ Константинополѣ, выставлена на показъ, вмѣстѣ съ обвинительнымъ актомъ. Обвиненія состояли въ томъ, что онъ превысилъ свою власть въ раздачѣ государственной казны, отказался идти противъ непріятеля, заставилъ войско терпѣть во всемъ нужду и опоздалъ послать помощь Хотину.

Командованіе войсками султанъ поручилъ сераскиру Молдаванджи-пашѣ, находившемуся съ крымскимъ ханомъ у Хотина. Молдаванджи былъ уроженецъ молдавскій. Въ юныхъ годахъ онъ былъ насильно увезенъ турками въ Константинополь, обрѣзанъ и отданъ на воспитаніе въ придворное военное училище.

Потомъ поступилъ на службу, отличался ревностію, и при врожденномъ жестокосердіи „вышелъ достойнымъ чиновнальствъ, возведшихъ его наконецъ на сію послѣднюю высокую степень“.

Новый турецкій начальникъ предполагалъ построить подъ самымъ Хотиномъ мостъ, переправиться черезъ рѣку и двинуться къ Каменцу-Подольскому. 14-го августа князь Прозоровскій доносилъ, что подъ Хотиномъ непріятель дѣлаетъ приготовленія къ наведенію моста. Русская армія перешла въ д. Гавриловцы, въ трехъ верстахъ отъ берега и въ виду Хотина, съ цѣлю дать рѣшительное сраженіе туркамъ.

Въ тотъ же день, часу въ первомъ утра, непріятель сталъ переправляться на нашу сторону и двинулся въ атаку. Движеніе это было на столько стремительно, что турки бросались на валъ безъ выстрѣла „съ однѣми голыми саблями и съ ужаснымъ стремленіемъ“. Сильный ружейный и артилерійскій огонь не остановилъ атакующихъ.

Движеніе во флангъ подковника Гудовича, съ первымъ баталіономъ Астраханскаго полка, было началомъ къ пораженію турокъ. Турки дрались отчаянно, „звѣрски бросались съ одними ножами и саблями“ и оттого, понесъ значительный уронъ, должны были отступить за рѣку.

Русскія войска изъ Гавриловецъ перешли въ другой лагерь на берегу Днѣстра, только въ разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ Хотина. 20-го августа турки окончили наводку моста, и, переправивъ 22-го числа до 4,000 человекъ, устроили на нашей сторонѣ тетъ-де-понъ. Ночью, главнокомандующій отдалъ полковниковъ Вейсмана, Сухотина, Кречетникова и барона Игальстрома съ приказаніемъ прогнать непріятеля безъ выстрѣла, употребляя только штыки.

Часу въ первомъ ночи они подошли къ непріятельскому расположенію и съ крикомъ *святая Екатерина!* бросились въ атаку. Неожидавшіе нападенія турки не успѣли взяться за оружіе и были большею частію переколоты.

Мѣсть котъ и былъ поджигаемъ нами три раза, но по сырости лѣса сгорѣли лишь два повтона, а остальные не загорѣлись; уничтожить же его не было возможности, потому что онъ съ обѣихъ сторонъ былъ обитъ сваями.

До 28-го августа непріятель ограничиваясь перестрѣлкою и высылкою небольшихъ партій на нашу сторону Днѣстра для фуражированія и тревоженія нашихъ постовъ. Въ ночь

28-го числа замѣчено, что онъ началъ переправляться значительными партіями, какъ по мосту, такъ и въ бродъ.

На слѣдующее утро турки сосредоточились на лѣвомъ флангѣ нашего расположенія, противъ такъ называемаго Рачевскаго лѣса, занятаго еще наканунѣ 20-ю ротами гренадеровъ, однимъ кирасирскимъ полкомъ, четырьмя нарабинерными и тремя пѣхотными полками.

Вскорѣ затѣмъ показались значительныя силы и противу праваго нашего фланга. Въ седьмомъ часу утра непріятель открылъ огонь со всѣхъ своихъ батарей и затѣмъ повелъ атаку противъ обоихъ фланговъ.

Отъ 8 часовъ утра и до 7 пополудни продолжалось упорное сраженіе; кончившееся пораженіемъ турокъ: Молдаванджи-паша, предводительствовавшій арміею, долженъ былъ отступить и перейти обратно за рѣку. Преслѣдованіе было невозможно, потому что дожди до такой степени подняли воду въ Днѣстрѣ, что не только нельзя было переходить въ бродъ, но и самый мостъ, наведенный турками, былъ сорванъ.

Недостатокъ продовольствія заставилъ турокъ оставить Хотинскую крѣпость и бѣжать по бендерской дорогѣ. Переправившіеся вплавь черезъ Днѣстръ казаки, 9-го сентября, доносили, что, подойдя къ самымъ воротамъ крѣпости, никого въ ней не видали. Въ тотъ же день крѣпость была занята нашими войсками и найдена совершенно пустою, если не считать чловѣкъ съ 20 мужчинъ и женщинъ, скитавшихся въ ней и голодныхъ.

Занявъ Хотинъ, князь Голицынъ сдѣлалъ распоряженіе о занятіи Ясѣ и приведенія къ присягѣ молдавскихъ жителей. Въ составъ отряда назначены три нарабинерные полка, всѣ гренадерскія роты корпуса и легкія войска, подъ начальствомъ генералъ-майора князя Прозоровскаго. Общее командованіе отрядомъ поручено генералъ-поручику барону Эльмиту.

Отрядъ этотъ двинулся къ Ясамъ, а главная армія, 13-го сентября, отступила отъ Хотина. Непріятель показался со стороны Бендеръ.

16-го сентября первая армія остановилась при мѣстечкѣ Черчи (*), куда и прибылъ на слѣдующій день новый главнокомандующій, графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ.

(*) Мѣстечко это лежитъ по дорогѣ изъ Каменца-Подольскаго къ Мендзѣбжу, верстахъ въ 75 выше дарваго города.

Отрядъ Эльмита подвигается къ Ясамъ. По слѣдующимъ вѣзирь съ своею арміею остановился въ четырехъ вѣстахъ отъ этого города, занятаго значительнымъ гарнизонномъ. Графъ Румянцовъ предписалъ Эльмиту наблюдать особую осторожность со стороны Бендеръ и Рябой Могилы.

20-го сентября князь Прозоровскій первый занялъ Батушаны (*) и ожидалъ прибытія туда отряда Эльмита. Посланный въ Молдавію сначала манифестъ, а потомъ воззваніе главнокомандующаго ободрили бояры и духовенство. Они явились въ Батушаны привѣтствовать съ прибытіемъ сначала князя Прозоровскаго, а потомъ Эльмита. Обиженные покровительствомъ и защитою, молдаване собрались въ черновъ и присягнули на вѣрнопопданство. Стоявшій въ Рябой Могилѣ вѣзирь и близъ него крымскій ханъ отступили: сначала къ Дунаю, потомъ къ Исаджи. Эльмитъ занялъ отдѣльными отрядами м. Цопоры (лежащее на р. Прутѣ, на одной высотѣ съ Ясами), Рябую Могилу (также на Прутѣ, ниже Ясъ) и 26-го сентября самъ вступилъ въ Ясы.

Знатнѣйшія лица города и духовенство встрѣтили вступающее русское войско. Эльмитъ слѣдовалъ прямо въ царковь, при вратахъ которой былъ встрѣченъ митрополитомъ. Послѣ молебствія и пушечныхъ выстрѣловъ, митрополитъ, приложась къ кресту и евангелію, говорилъ рѣчь, въ которой требовалъ, отъ всего христіанскаго населенія города истинной присяги, прибавляя, что всякаго противно сему помышляющаго онъ предасть анаемѣ. „Едва слова сіи были выговорены—сказано въ журналѣ — какъ всѣ кучами начали метаться къ цѣлованію креста и евангелія, такъ что наконецъ надлежало опредѣлить людей для соблюденія порядка“.

Для управленія странюю созданъ диванъ, которому объявленъ указъ императрицы объ открытіи засѣданія. Ясы, имѣвшіе замокъ и два монастыря, были заняты четырьмя баталіонами; городъ Батушаны: также занятъ войсками и вообще сдѣланы распоряженія объ охраненіи Молдавіи отъ непріятельскихъ покушеній. Все войско, находившееся въ Молдавіи, поручено генераль-маіору князю Прозоровскому.

На обязанность его возложено управлять странюю по народнымъ обычаямъ и законамъ, въ томъ вниманіи, что „въ

(*) Неподалеку отъ впаденія р. Ягорыца въ р. Днѣстръ.

началъ завладѣнія народомъ непринично разрушать „его старыя учрежденія.“

„Всякая вводимая новостъ отъ побѣдителя (*)—сказано въ предписаніи князю Прозоровскому — съ уничтоженіемъ порядковъ, къ коимъ люди привыкли, покажется имъ трудною. Сихъ жителей больше мы привлечемъ вѣрность и преданность къ себѣ ежели не утѣсимъ ничѣмъ ихъ свободы и отдавать станемъ правосудіе согласное съ обынновеннымъ ихъ мнѣніемъ“.

„Такимъ образомъ, если бы до вашей резолюціи дошли какія представленія, то вы старайтесь въ рѣшеніи согласоваться симъ правиламъ, а въ случаѣ если бы гдѣ не доставало уставовъ, тамъ должно опредѣлять справедливость, которою бы судящіеся и сами убѣждены быть могли“.

Главная армія 2-го октября перешла и расположилась между рѣками Смотричемъ, Жванчичемъ и Сбручемъ.

3-го октября главнокомандующій прибылъ въ с. Тинну (по дорогѣ изъ Мендзибожа въ Каменець-Подольскій), избранное имъ главною квартирою. На слѣдующій день выпалъ снѣгъ.

Въ Молдавіи остался князь Прозоровскій съ четырьмя баталіонами гренадеровъ и всѣми егерями, съ ихъ артилеріею, съ однимъ гусарскимъ полкомъ и 1,500 казаками.

Къ Бендерамъ отправленъ значительный отрядъ для наблюденія за неприятелемъ.

По сую сторону Дуная не было ни одного турка; крымскій ханъ распустилъ своихъ татаръ по домамъ и самъ находился въ с. Кышлѣ, въ восьми часахъ за Бендерами.

Въ послѣднихъ было не болѣе 2,000 турецкаго войска, но и между ними происходило много побѣговъ. Татары отправляли свои пожитки и табуны на сую сторону Днѣстра въ Валту, а многіе изъ буджакскихъ татаръ бѣжали за Дунай.

Среди занятій по устройству дѣлъ въ Молдавіи, князь Прозоровскій заболѣлъ; онъ просилъ объ увольненіи его на время отъ командованія отрядомъ. „Къ сугубому прискорбію моему—писалъ въ отвѣтъ на это графъ Руминцевъ — служить мнѣ извѣстіе о болѣзни вашей, когда я беру въ томъ участіе, и вижу сіе въ такое время, когда въ той сторонѣ, гдѣ Ваше Сіятельство толь похвально командовали, по положенію настоящихъ дѣлъ наипаче нужно бы присутствіе ваше какъ искуснаго генерала. Въ удовольствіе же вашего требованія, я не-

(*) Записки князя Прозоровскаго (рукопись).

только увольню васъ отъ команды, пославъ повелѣніе генераль-маіору Замятину принять оную, но я оставляю вамъ на волю ѣхать, гдѣ вы за лучшее находите воспользовать свое здоровье. Я не сомнѣваюсь, чтобы разстройство онаго (здоровья) не было причиною понесенныхъ вами столь долговременныхъ трудовъ, которымъ я желаю увидѣть достойное вознаграеніе“.

Князь Александръ Александровичъ не воспользовался однако отпускомъ. Выздоровѣвъ, онъ донесъ о томъ главнокомандующему и оставленъ на прежнемъ мѣстѣ.

Въ Молдавіи распускали слухъ, что турки вступятъ на зиму въ эту провинцію. Князю Прозоровскому приказано охранять эту страну отъ всякихъ покушеній непріятеля. Бывшій господарь Молдавіи рассылалъ манифесты, призывавшіе жителей „принести повинную и возвратиться въ турецкое подданство“. Главнокомандующій, графъ Румянцевъ, въ противодѣйствіе отправилъ свое воззваніе, въ которомъ обѣщалъ покровительство и защиту императрицы. Для подкрѣпленія князя Прозоровскаго и успокоенія жителей, въ Молдавію отправлено еще пять пѣхотныхъ полковъ и общее командованіе войсками, тамъ расположенными, поручено генераль-поручику Штофельну.

15-го ноября отрядъ Штофельна занялъ Галацъ, гдѣ успѣлъ захватить въ плѣнъ бѣжавшаго молдавскаго господара Маврокордато и сераскира Кегая. Господарь былъ болѣвъ и скончался 23-го ноября. Бухарестъ былъ также занятъ. Господарь Валахіи Григорій Гика взятъ въ плѣнъ и привезенъ въ Ясы. Валахія занята нашими войсками.

Въ подкрѣпленіе Штофельну отправлено еще три полка пѣхоты, одинъ въ Чернавцы, другой въ Ясы и третій въ Батушаны.

20-го ноября происходили торжественные похороны молдавскаго господара. Впереди ѣхали два трубача и нѣсколько человекъ съ факелами. За ними знатные купцы несли пустой гробъ, обитый богатою парчею. За гробомъ, на большихъ серебряныхъ блюдахъ, несли: на одномъ вареное сарацанское пшено съ изюмомъ (кутью), на другомъ конфеты, а на третьемъ большой вызолоченный каравай. Далѣе слѣдовали цеховые мастеровые и несли зажженные восковыя золоченныя свѣчи, длиною въ полтора аршина и толщиною въ четверть аршина. Затѣмъ, по порядку, бояре, духовенство, а за ними тѣло

умершаго господаря, въ креслахъ, обитыхъ богатою золотою парчею. Побойный одѣтъ былъ въ соболью шубу и шапку, которыми пожалованъ былъ отъ султана, при утверженіи его господаремъ молдавскимъ. Тѣло несли придворные покойнаго, а около шли знатные бояре. Военная музыка замыкала шествіе. По мѣстному обычаю, отпѣвали внѣ церкви. Послѣ того тѣло внесли въ церковь, сняли съ него шапку и шубу, положили въ саванѣ въ гробъ, и въ три часа пополудни опустили въ могилу.

Въ декабрѣ получены свѣдѣнія, что верховный визирь, слѣдуя изъ Исаки въ Силистрію, остановился въ Мачинѣ. Въ Молдавію отправлено еще три баталіона гренадеровъ. Штофельну приказано, оставаясь въ Ясахъ, занять Фальчи (*), Фокшаны (**), Бухарестъ и Галацы (***)).

6-го декабря турки появились со стороны Браилова въ виду поста, поставленнаго въ деревнѣ Шербештѣ, по рѣкѣ Серету, въ 15 верстахъ отъ Галаца. Постъ этотъ служилъ къ охраненію сношенія между Ясами и Фокшанами и состоялъ изъ эскадрона гусаровъ и сотни казаковъ. Бывшія въ Галацѣ войска двинулись на защиту поста. По прогнаніи турокъ, Штофельнъ, по приказанію главнокомандующаго, протянулъ свои кордоны отъ Фальчи на рѣку Прутъ до Фокшанъ и тѣмъ закончилъ военныя дѣйствія 1769 года.

(*) Лежащее на р. Прутъ ниже Ясъ.

(**) При соединеніи рѣкъ Мильки и Путны, впадающихъ въ р. Сереть.

(***) Лежашія при впаденіи въ Дунай р. Серета.

(Продолженіе будетъ.)